

Когда было написано «Слово о полку Игореве»?

ABSIT INVIDIA¹

Никто никогда не спросит, фальшив ли лежащий на дороге булыжник, но жемчуг может оказаться фальшивым.

«Слово о полку Игореве» так хорошо, что хочется спросить себя: да может ли быть на свете такая красота? Драгоценный блеск его гипнотизирует, тревожит, возбуждает любопытство. Настоящее произведение большого искусства всегда кажется до известной степени загадочным, необъясненным. Отчасти поэтому и в отношении «Слова» время от времени возникал вопрос: да могло ли оно быть написано в XII веке?

Впрочем, причины сомнений в древности «Слова» были различны. Но об этом потом.

Сейчас же скажем только, что пришла пора еще раз обсудить вопрос о времени создания «Слова» — обсудить спокойно и строго научно.

Во времена культа личности Сталина, когда научные дискуссии сплошь да рядом превращались в проработки, а научные аргументы подменялись политическими обвинениями, не было возможности не только выступить тем, кто сомневался в подлинности «Слова», но и тем, кто хотел защитить его от сомнений некоторых западных исследователей. Защитники «Слова» не могли привести развернутую аргументацию, так как не имели возможности подробно изложить доводы своих противников. Да многим исследователям и не хотелось выходить за пределы научной объективности. Привычка обвинять, а не спорить сослужила дурную службу науке.

Сомнения в подлинности «Слова» оставались необсужденными, и это создавало почву для их подспудного процветания.

Пришла пора по-деловому, без взаимных обвинений, без попыток «прочесть в сердцах» своих противников их тайные мотивы и побуждения обсудить вопрос о времени создания «Слова».

28 февраля 1963 года доктор исторических наук А. Зимин выступил на открытом заседании в Институте русской литературы АН СССР с обширным докладом, в котором стремился доказать более позднее происхождение «Слова о полку Игореве»,

¹ Латинское: пусть не будет зависти (или злобы).

чем до сих пор полагали! Доклад этот вызвал большой интерес и разнообразные отклики. Поскольку работа А. Зимина находится в стадии становления и до сих пор еще не завершена для печати, нет возможности обсудить ее в данной статье. Однако мы можем обсудить не ее, а самую постановку вопроса о том, когда создано «Слово». Такое обсуждение самой постановки вопроса вполне правомерно, так как в основном все новейшие скептики, не приводя новых документальных материалов, лишь варьируют и по-новому аргументируют концепцию А. Мазона.

ЗНАЧЕНИЕ ВОПРОСА О ДАТЕ «СЛОВА»

Может возникнуть вопрос: так ли уж важно, когда создан памятник? Да, важно! Всякое произведение искусства создается в определенной исторической обстановке и не может рассматриваться вне ее.

Передатировать «Слово» нельзя без ущерба для его идейной и эстетической ценности. В XII веке «Слово» было произведением огромной идейной силы, произведением, призывавшим к единству, обличавшим усобицы князей. Его общественный пафос огромен, и только в связи с ним можно понять и его эстетическую ценность. В XVIII веке это произведение оказывалось бы литературной безделушкой — «пастиш» (стилизацией), как утверждают одни, или служило бы «империализму» Екатерины, как утверждают другие. В обоих случаях оно бы утратило значительную часть своей идейной и художественной ценности.

Белинский писал о «Кавказском пленнике» Пушкина: «Читая ее (поэму «Кавказский пленник». — *Д. Л.*), вы чувствуете, что она могла быть написана только в известное время, и под этим условием она всегда будет казаться прекрасною»².

Объявить тот или иной памятник подлинным или поддельным, созданным не в ту, а в другую эпоху, это значит коренным образом изменить к нему отношение, коренным образом пересмотреть вопрос о его ценности, это значит по-иному понять его идеологическое содержание, его роль в историко-литературном процессе и т. д.

Вопрос о дате «Слова» — это вопрос быть или не быть «Слову». Это вопрос жизни или смерти для этого памятника. Поэтому должны быть внимательно рассмотрены все аргументы обеих сторон. Необходима высокая совесть ученого

² В. Г. Белинский, Собр. соч. в трех томах, т. III, Гослитиздат, М. 1948, стр. 496.

перед ответственностью темы.

СТРОГАЯ ИСТОРИЧНОСТЬ В УСТАНОВЛЕНИИ И ИЗУЧЕНИИ ПОДДЕЛОК И СТИЛИЗАЦИЙ

Пусть читатель не ждет, что в этой статье будет дано исчерпывающее исследование вопроса о времени создания «Слова». Задача статьи — указать только на конкретные аспекты этой проблемы.

Все без исключения конкретные исследования, которые велись до сих пор по «Слову о полку Игореве», исходили из положения, что «Слово» создано в XII веке. Именно с этих позиций были разъяснены многие темные места, особенности стиля памятника, объяснены его исторические упоминания, его лексика, описан грамматический строй языка, сделаны попытки определить время появления самой дошедшей до ее издателей рукописи и пр. и пр. Немногие работы, рассматривавшие «Слово» как памятник XVIII века, касались только вопроса о датировке и именно только под углом зрения датировки касались некоторых явлений истории его текста, его отношения к другим памятникам, истории его открытия и опубликования. *Opus probandi* (обязанность доказывать свои утверждения) лежит на тех, кто стремится передатировать «Слово», как он лежал бы на всяком, кто задумал бы передатировать любое общеизвестное произведение новой литературы.

Какие же требования, помимо тех, которые предъявляются к любому исследованию: применять добросовестные приемы, объективно излагать существо вопроса в целом и в частности, применять четкую методику научного исследования и пр., — должны быть предъявлены к работе, которая ставила бы своей задачей дать новую датировку «Слова о полку Игореве»? Вот на этом-то мы и остановимся в своей статье.

Вопрос о подделках, о стилизациях и подражаниях есть прежде всего вопрос филологический, и при этом очень сложный. Он имеет огромную научную литературу, особенно в классической филологии. Сейчас уже нельзя исследовать тот или иной случай подделки, не выполняя серьезных требований, предъявляемых к такого рода работам. Здесь необходима высокая культура филологического труда.

Так, например, следует принимать во внимание, что различные типы подделок

возникают в определенной обстановке, в определенные эпохи, в различные моменты развития национальной культуры и на соответствующих этапах развития литературы. Подделка появляется только тогда, когда начинает цениться подлинность, когда появляется самое понятие подлинности и спрос на нее.

Стилизационные подделки, имитирующие стиль и язык древних литературных произведений, могут появиться только на той стадии развития литературы, когда возникает определенное представление о движении стиля литературы и о развитии литературного языка. Подражания древнему языку могут быть выполнены только там, где имеются уже определенные представления об этом «древнем языке», об изменениях и развитии языка вообще. На первых порах эти представления бывают очень примитивны, затем они развиваются и могут достигать большой тонкости.

Техническое выполнение подделок также меняется в зависимости от состояния представлений о старинных документах: почерки начинают подделываться, когда есть уже некоторые знания о различии почерков старинных и новых; степень точности подделки почерка зависит от степени развитости представлений об истории почерков.

Только в исторической перспективе может быть решен вопрос и о мотивах той или иной подделки. Древняя Русь знала, например, подделки документов, закреплявших за монастырем или за той или иной семьей право на владение землей, и пр. Так называемые «коммерческие подделки», подделки, выполняемые на продажу, могли появиться только после того, как стала денежно цениться старина сама по себе, когда образовался спрос на подлинные документы и появились первые коллекционеры старинных документов.

Еще сложнее вопрос с идеологическими мотивами подделок. Здесь должна учитываться история общественной мысли, история политических учений, иногда история дипломатии. Так, например, если утверждается, что Тмутараканский камень — подделка, созданная для оправдания присоединения Таманского полуострова к России, то для оправдания такого мотива надо прежде всего доказать, что русская дипломатия XVIII века нуждалась в такого рода документах.³

³ Для того чтобы иметь основания сомневаться в подлинности Тмутараканского камня, надо было бы, кроме того, проанализировать язык надписи, написание букв в связи с научными представлениями по истории языка и палеографии конца XVIII века,

Подделки и мистификации, как и простые стилизации, не существуют изолированно: их связи со своим временем многообразны, и обязанность каждого ученого, изучающего их, всесторонне рассмотреть эти связи. Чем сложнее вопрос и чем эстетически богаче само произведение, тем многообразнее филологические проблемы, встающие на пути исследователя.

Самый гениальный создатель мистификации не может вырваться за пределы своей эпохи. Гений творит в пределах исторического процесса. Живи Эдисон на пятьдесят лет раньше, его изобретения были бы другими, связанными с состоянием науки и техники того времени. Этим и объясняется, что многие открытия и изобретения делались и делаются почти одновременно и независимо друг от друга. То же самое происходит и со всеми подделками и стилизациями.

Повторяем: всякая стилизация, подражание или подделка является ответом на запросы своего времени и отражает представления ее автора и его времени о языке, стиле, истории литературы, истории общественной мысли, истории письма того времени, к которому относится стилизация, подражание или подделка. Представления о времени, к которому склонны отнести стилизационную подделку, есть представления того времени, когда эта подделка была на самом деле создана.

СКЕПТИЦИЗМ ТАКЖЕ НУЖДАЕТСЯ В ИСТОРИЧЕСКОМ ПОДХОДЕ

Какие же сомнения в подлинности «Слова о полку Игореве» возникали и чем они были вызваны?

Конечно, известную роль в возникновении сомнений в первой половине XIX века играло отсутствие рукописи «Слова», погибшей в московском пожаре 1812 года вместе с домом и собранием рукописей ее владельца А. И. Мусина-Пушкина. Но роль эта не была решающей, так как первые скептики не предполагали, что «Слово» было подделкой или стилизацией XVIII века, а просто относили его создание ко времени самой рукописи, то есть приблизительно к XV веку. Такого рода сомнения

дать обстоятельное исследование коррозии мрамора на его поверхности и в углублениях букв (это до сих пор проделано не было), выяснить происхождение мрамора из определенных его месторождений и возможные пути проникновения этого куска мрамора на Тамань и пр.

высказывались в отношении всех памятников, дошедших в рукописях более поздних, чем время их создания. Отдельные историки начала XIX века сомневались в ранней дате «Русской Правды», «Поучения» Владимира Мономаха, «Повести временных лет» и т. д. Это была характерная черта скептической школы первой половины XIX века. Этот «трафарет» сомнений в ряду других памятников был применен и к «Слову».

Первые сомнения в «древней» (XII в.) дате «Слова» высказал А. Шлецер, впрочем, их не обосновавший. Но уже после выхода первого издания «Слова» в 1800 году Шлецер отказался от своих сомнений и признал «Слово» памятником XII века. То же повторилось и с лучшим археографом начала XIX века митрополитом Евгением Болховитиновым. Он сомневался в древности «Слова» еще до гибели его рукописи, но при этом не подверг рукопись «Слова» экспертизе (рукопись была доступна всем ученым), так как не сомневался в подлинности ее и никого не подозревал в подделке, а затем отказался от своих сомнений.

18 февраля 1814 года Евгений Болховитинов писал К. Калайдовичу: «Об Игорева песне я не сомневаюсь, что она давняя и могла сочинена быть в XV веке, когда воображение и дух России уже ободрился от успехов над Татарами. Но что она была и древняя до XII века, на то потребны доказательства яснее игумена Зосимы» (известная цитата из «Слова» в Апостоле 1307 года писца Диомида, приписывавшаяся первоначально ошибочно игумену Зосиме). Но уже 11 ноября того же года Евгений Болховитинов выразил иное мнение в письме к Анастасевичу. В этом письме по поводу найденного Тимковским «Сказания о Мамаевом побоище» он писал следующее: «Вся сия песнь расположена совершенно по Игорева, которую без сомнения сочинитель имел перед глазами...» Следовательно, уже в ноябре 1814 года Болховитинов считал, что «Слово» сочинено до того, как «воображение и дух России ободрился от успехов над Татарами»!

Считалось, что крайний скептицизм приличествует ученому. Еще А. Шлецер отвергал существование просвещения, торговли, городов в домонгольской Руси, но представители собственно «скептической школы», возникшей в русской исторической науке в начале XIX века, пошли еще дальше. Они дошли до того, что утверждали, например, будто и самый Новгород не существовал еще в XI веке. По их мнению, он появляется «не ранее XII века» и представляет собой колонию балтийских славян,

пришедших из Ваврии. Отвергали они и существование русских племен (древлян, полян и др.). Главный представитель скептической школы М. Каченовский подвергал сомнению договоры Олега и Игоря с греками, объявляя весь древнейший период русской истории «баснословным», сомневался в древности «Нестеровой летописи» (то есть «Повести временных лет»), «Русской Правды», «Поучения» Владимира Мономаха, сочинений Кирилла Туровского. Спрашивается: мог ли он при этих условиях считать древним «Слово о полку Игореве» и следует ли его сомнения считать научно доказательными и имеющими серьезное значение для современного разрешения вопроса о подлинности «Слова»? При всем том и М. Каченовский не считал «Слово» подделкой XVIII века. Сомнения М. Каченовского в древности «Слова» не выходили за пределы его общей источниковедческой концепции. Взгляды М. Каченовского на «Слово о полку Игореве» изложил его ученик И. Беликов.

Подделкой XVIII века считал «Слово» только граф С. Румянцев, соперник Мусина-Пушкина в коллекционерстве.

Сомнения возникли и у О. Сенковского (Барона Брамбеуса); причины сомнений Барона Брамбеуса ясны: он был крайний норманист и отрицал не только самобытность русской культуры, но даже византийское влияние на Руси. «Нетрудно видеть... — пишет Барон Брамбеус, — что не горстка солдат вторглась (с призванными князьями. — *Д. Л.*) в политический быт и нравы славян, но что вся нравственная, политическая и гражданская Скандинавия, со всеми своими учреждениями, нравами и преданиями, поселилась в нашей земле; что эпоха варягов есть настоящий период славянской Скандинавии; ибо хотя они скоро забыли свой язык, подобно манджурам, завоевавшим Китай, но очевидно оставались норманнами почти до времен монгольских». Скептицизм Сенковского был до крайности легкомыслен, и ему случалось делать предположения, каждое из которых можно было бы принять за потрясение основ, если бы они не были просто забавны. Он утверждал, например, что русский язык стал языком России и русских чисто случайно, «...если бы русские князья, — писал он, — избрали себе столицу в финском городе, посреди финского племени, русским языком, вероятно, назывался бы теперь какой-нибудь чухонский диалект, который так же, на большом пространстве земель, поглотил бы язык славянского корня, как последний язык поглотил многие финские наречия, даже в том месте, где стоят Москва и

Владимир...» Сравнимы ли с этими «сомнениями» его сомнения в подлинности «Слова»?

Вряд ли стоит останавливаться на перечислении тех авторов, которые сомневались в подлинности «Слова», никак этого не аргументируя. Любовь к авторитетам не сможет убедить нас в справедливости их сомнений, особенно если учесть, что все авторитетные филологи и историки XIX века, изучавшие «Слово», считали его произведением XII века.

Вообще если сравнить всю аргументацию скептиков с тем, что было написано в XIX веке о «Слове» учеными, считавшими его подлинным, мы приходим к заключению, что салонные попытки эпатировать и «дуть» на «Слово» были не более эффективны, чем претензии разогнать тучу дамскими веерами.

Скептицизм первой половины XIX века в отношении «Слова» изжил себя по двум причинам: во-первых, закончила свое существование «скептическая школа» в русской историографии, во-вторых, были открыты новые памятники и новые параллели к «Слову», во многом объяснившие его в языковом, культурном, историко-литературном и историческом окружении XII века. Из этих открытий самым главным было открытие в 1852 году «Задонщины». «Задонщина» была явным подражанием «Слову», возникшим либо в конце XIV, либо в XV веке. Отсюда стало ясно, что «Слово» возникло раньше.

Для того чтобы возродить скептицизм, надо было усомниться в том, что «Слово» повлияло на «Задонщину», и попытаться опрокинуть эти отношения, так как сомневаться в самой близости обоих памятников и какой-то зависимости их друг от друга оказалось решительно невозможно.

Я не останавливаюсь на отдельных скептических высказываниях, принадлежащих французскому слависту Л. Леже. Обращу только внимание на концепцию крупного французского специалиста по русской литературе и языку профессора А. Мазона. Концепция А. Мазона, хотя и принимала в разное время различные формы в отдельных своих деталях, легла в основу всех современных (не очень, впрочем, многочисленных) воззрений скептиков.

Сущность концепции А. Мазона в следующем. Не «Задонщина» подражает «Слову», а «Слово» — «Задонщине». Первоначально А. Мазон считал, что

«Задонщина» в художественном отношении выше «Слова о полку Игореве». Первую главу своей книги он даже назвал «реабилитацией одного произведения», имея в виду «Задонщину».⁴ Впоследствии А. Мазон перестал подчеркивать художественное превосходство «Задонщины».

Основываясь на исследовании «Задонщины» чешского ученого Я. Фрчека, А. Мазон считает, что существуют две ее редакции. Древнейшая редакция, согласно Я. Фрчеку и А. Мазону, представлена Кирилло-Белозерским списком конца XV века, который остальные исследователи считают дефектным, лишенным конца. Все другие списки, согласно Я. Фрчеку и А. Мазону, представляют позднейший, дополненный текст «Задонщины». В первой, якобы древнейшей, редакции, утверждает А. Мазон, Куликовская битва рассматривается как поражение; вторая редакция возникла тогда, когда Куликовскую битву «историческая легенда с течением веков превратила в России в блестящую победу». Поэтому во второй редакции к «жалости» по погибшим была, согласно А. Мазону, добавлена «похвала» победе. Позднейшее происхождение «Слова» доказывается, по мнению А. Мазона и его немногих последователей, тем, что «Слово» якобы ближе к позднейшей, второй редакции, а не к первой. Между тем, утверждает А. Мазон, если бы «Задонщина» восходила к «Слову», то древнейшая редакция была бы наиболее близкой к нему. Это и есть главный аргумент тех, кто считает, что не «Задонщина» вышла из «Слова», а «Слово» явилось подражанием «Задонщине».

Когда же возникло «Слово»? А. Мазон считает, что в конце XVIII века, в ближайшем окружении его издателей. Первоначально он называл автором «Слова» А. Мусина-Пушкина, затем Н. Бантыша-Каменского; в последнее время А. Мазон считает автором «Слова» первого владельца его рукописи архимандрита Иоила Быковского.⁵ А. Мазон не называет «Слово» фальсификатом. Он рассматривает его как «пастиш» — стилизацию. Эта стилизация, однако, была сделана в угоду «империализму» Екатерины II, с целью оправдать захват новых территорий. Рукопись пространной редакции «Задонщины», на основе которой было создано «Слово», до нас

⁴ «La Zadoňščina: réhabilitation d'une oeuvre»: A. Mazon, «Le Slovo d'Igor», P. 1940, p. 5—40.

⁵ Об этом он определенно дает понять в своей заметке «Тьмутараканьский блъвань» в «Revue des Études Slaves», t. 39, P. 1961, p. 138.

не дошла по причине, о которой А. Мазон и его последователи не пишут (по-видимому, они считают, что рукопись была уничтожена, чтобы скрыть основной источник «Слова»).

Далее А. Мазон высказывает соображения, уже выставившиеся первыми скептиками и в основном опровергнутые впоследствии: «Слово» дошло до нас в единственном списке, и этот список погиб якобы при подозрительных обстоятельствах (вместе с домом и собранием А. Мусина-Пушкина на Разгуляе); в «Слове» много темных мест, в нем якобы наличествуют модернизмы в языке, полонизмы, галлицизмы, оссианизмы и даже «американизмы» (следы увлечения американскими темами в конце XVIII века). Все, что в «Слове» несомненно свое, древнее, зависит от ряда подлинных памятников, которые знал его автор, и от русского и украинского фольклора.

Концепция А. Мазона была подробно рассмотрена и опровергнута в ряде статей и исследований, выходящих у нас и за рубежом. В основном контраргументация эта собрана в сборнике «Слово о полку Игореве — памятник XII века» (М.-Л. 1962), к которому мы и отсылаем читателей, желающих ознакомиться с полемикой по поводу «Слова».

ТРЕБОВАНИЯ К ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОМУ ИССЛЕДОВАНИЮ СПИСКОВ «ЗАДОНЩИНЫ»

Взаимоотношения «Слова о полку Игореве», «Задонщины» и «Сказания о Мамаевом побоище» должны быть изучены современными методами текстологии, основоположником которых явился в начале нынешнего века А. Шахматов.

Почему об этом нужно говорить? Во-первых, потому, что текстологические отношения между собой всех списков «Задонщины» и отношения их к «Слову» и к «Сказанию, о Мамаевом побоище» до сих пор, к сожалению, не изучены. Имеются только отдельные наблюдения. Во-вторых, необходимо признать, что так называемый текстологический анализ очень часто превращается в крайне субъективные и произвольные толкования текста, ни для кого не обязательные. Берутся не тексты как целое, а сравниваются отдельные эпизоды, при сличении же текстов по эпизодам можно «доказать» любую мысль — стоит только опустить противоречащие этой мысли эпизоды. Крайне устарелым методом следует признать и следующий: в реально

дошедших текстах предварительно «исправляются» ошибки, тексты «препарируются», «реконструируются» и в таком «подготовленном» виде используются для текстологических сопоставлений. Между тем в списках показательны не только правильные чтения, но и неправильные. Наконец, совершенно неверно ограничиваться *возможностью* того или иного объяснения: необходимо доказывать, что это объяснение не только возможное, но и единственно возможное или по крайней мере лучшее. Ведь если есть сходство между двумя отрывками текста, то по большей части это сходство может быть объяснено либо первичностью одного текста, либо первичностью другого, либо восхождением обоих текстов к какому-то третьему тексту — дошедшему или недошедшему до нас. Поэтому, чтобы сделать результаты сличения текста хоть сколько-нибудь убедительными, надо в каждом случае сличения отдельных мест текста показать не только возможность предлагаемого объяснения (обычно эта возможность всегда имеется), но и невозможность либо неудовлетворительность двух других. Но и этого мало. Необходимо показать, что и все остальные места текста подчиняются тому же объяснению, что это объяснение и для них является или единственно возможным, или лучшим и что весь текст того или иного списка в его целом легко и свободно подчиняется предлагаемому объяснению.

Методика современного текстологического анализа была выработана А. Шахматовым. К сожалению, не все текстологи ее применяют, превращая свои толкования в крайне субъективные интерпретации текста.

Методика текстологических толкований списков «Задонщины», применяемая Я. Фрчком и А. Мазоном, также не блещет объективностью и обязательностью своих выводов.

МОГЛА ЛИ ВЕРСИЯ КУЛИКОВСКОЙ БИТВЫ КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКОГО СПИСКА «ЗАДОНЩИНЫ» БЫТЬ ДРЕВНЕЙШЕЙ ВЕРСИЕЙ?

Для того чтобы оправдать свою концепцию, согласно которой Кирилло-Белозерский список «Задонщины» представляет собой первую, полную редакцию, а все остальные списки — вторую, дополненную, Я. Фрчек, а вслед за ним А. Мазон создали концепцию, согласно которой Куликовская битва воспринималась сперва как

поражение русских (Фрчек, впрочем, говорит об этом осторожно, А. Мазон — прямо), а только потом уже из поражения была создана (после официального свержения ига в 1480 году) версия о победе. Эта версия о Куликовской битве и отразилась, согласно концепции скептиков, во второй редакции «Задонщины», где был описан перелом в битве, приведший к победе. В этом пункте вопрос текстологический переходит в вопрос исторический. Чем же была Куликовская битва — победой или поражением? Было или не было выступление засадного полка, решившего исход битвы?

Выступление засадного полка, определившего перелом в битве, отражено в разных исторических источниках и в том числе в ранней Летописной повести о Куликовской битве. Перелом в битве реально подтверждается тем, что татары не пошли после битвы на Москву, а отступили. На все это и следует обратить внимание при оценке Кирилло-Белозерской версии как якобы полностью сохранившейся редакции. В этой версии нет ни выступления засадного полка, ни перелома в битве, ни отступления татар после битвы. Описание битвы прервано на половине! И это нельзя объяснить тем, что значение победы через два года померкло в свете Тохтамышева нашествия на Москву, ясно, что редакция текста, представленная Кирилло-Белозерским списком, механически сокращена. Это не первоначальная редакция.

Если большой текст второй половины «Задонщины» рассматривать как дополнение, сделанное через сто лет после битвы, когда иго было официально свергнуто, то почему именно в это время понадобилось умять значение современности, бывшей у всех перед глазами, и относить победу над татарами на сто лет назад? Мы хорошо знаем обратные случаи — превознесение современных деятелей и современных событий за счет умаления прошлой истории страны, но обратное нам неизвестно.

Наконец, как можно было спустя столько времени доделать в том же стиле «Задонщину», дописать ее, подделавшись под стиль первой части, вернее, даже не под стиль, а, как мы это увидим в дальнейшем, под два стиля первой части. Если вдуматься в «механику» такого рода дописывания (не зарегистрированного учеными ни в одном другом памятнике древней Руси), станет совершенно ясно, что все списки «Задонщины», кроме Кирилло-Белозерского, отнюдь не дополняли эту редакцию, а наоборот, Кирилло-Белозерский список представляет собой сокращенную редакцию

«Задонщины».

И еще одно наблюдение. Если редакция Кирилло-Белозерского списка повествовала только о той части битвы, в которой русские терпели жесточайший урон, и не повествовала о переломе к победе, то почему же все-таки об этой победе говорится в самом начале редакции Кирилло-Белозерского списка, где приводятся приметы, предсказывающие победу русских и поражение татар?

В. Адрианова-Перетц, которой принадлежит это наблюдение, так говорит в частном письме ко мне о приметах Кирилло-Белозерского списка: «Можно ли представить себе такого средневекового писателя, который, рассказав о приметах, потом показал бы, что они не оправдались? Если бы он не был уверен в том, что Куликовская битва была победой русских, зачем же он именно так расставил бы в своем рассказе приметы?»

Есть и другие наблюдения, связывающие первую часть «Задонщины», представленную Кирилло-Белозерским списком и некоторыми другими, со второй ее частью, якобы дописанной впоследствии, а на самом деле несомненно восходящей к общему недошедшему до нас авторскому тексту.

ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЛИ «СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» ВО ВСЕМ БЛИЖЕ К ПОЗДНЕЙШИМ СПИСКАМ «ЗАДОНЩИНЫ»?

На то обстоятельство, что «Слово» в отдельных случаях ближе к Кирилло-Белозерскому списку «Задонщины», чем к другим, указал еще И. Голенищев-Кутузов в 1941 году.⁶ Он отметил шесть случаев. Впоследствии Н. Гудзий обратил внимание на одиннадцать таких случаев, где «Слово о полку Игоре» ближе к Кирилло-Белозерскому списку, чем к остальным.⁷

Не буду приводить пространных доказательств. Укажу только, что в Кирилло-

⁶ См. И. Н. Голенищев-Кутузов, «Слово о полку Игоре» и рукописи «Задонщины», сб. «Заметки к “Слову о полку Игоре”», вып. 2, Институт имени Н. П. Кондакова, Белград, 1941, стр. 49—55.

⁷ См. Н. К. Гудзий, По поводу ревизии подлинности «Слова о полку Игоре», сб. «Слово о полку Игоре — памятник XII века», Изд. АН СССР, М.-Л. 1962, стр. 90—91.

Белозерском списке сохранено имя «вещаго Бонна», искаженное до неузнаваемости в других списках («тот боярин», «тот бо юн», «тот бо де» и пр.). Только в Кирилло-Белозерском списке сохранено слово «зогзица» (в «Слове» «зегзица»; в других памятниках древней Руси «зегзица» не встречается вообще). Только в Кирилло-Белозерском списке употребляется слово «господин», как и в «Слове о полку Игореве» (в других списках «Задонщины» применяется позднее слово «государь»). Только в Кирилло-Белозерском списке имеется слово «славий» (соловей) — то же, что и в «Слове о полку Игореве» («скача славию»; слово «славий» нигде больше ни в каких памятниках не встречается). Только в Кирилло-Белозерском списке имеется эпитет «синие» в применении к молниям (тот же, что и в «Слове»; в остальных списках «сильные»), говорится, как и в «Слове», о «громе великом» («стуку и грому великому»; в остальных списках говорится только о «стуке»). Казалось бы, материал достаточный для такого маленького текста, как укороченный текст Кирилло-Белозерского списка. Ясно, что доказать особую близость «Слова» только к поздним спискам «Задонщины» никак нельзя. «Слово» в разных своих частях близко и к раннему — Кирилло-Белозерскому списку, и к поздним спискам. А это может быть объяснено либо тем, что первоначальный текст «Задонщины» был искажен во всех дошедших списках — и это согласуется с тем, что все списки «Задонщины» содержат огромное количество искажений, нелепостей и темных мест, — либо тем, что в руках у воображаемого позднего автора «Слова» был какой-то совсем особый, правильный текст «Задонщины», который по неясным причинам не был им сохранен. Но если допустить последнее, то рушится всякая «доказательная» сила предположений о том, что «Слово» не предшествовало «Задонщине», а составлено на ее основе.

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЙ ТРЕУГОЛЬНИК

Если между двумя памятниками наблюдаются черты несомненного сходства, то обычно пристрастный текстолог, работающий старыми методами, всегда может попытаться объяснить каждое сходство между ними так, как ему этого хочется. Допустим, в памятнике, который текстологу хочется объявить первоначальным, общее с другим памятником место читается полнее, лучше; пристрастный текстолог говорит в таких случаях: «Лучше, полнее — значит, первоначальнее!» Если наоборот, — если

место это хуже, тот же текстолог не менее решительно объявляет: «Хуже в первом, так как составитель второго памятника был талантлив, смотрите, как он прекрасно *развил* это место!» Объявить подражателя гениальным — это значило снять с себя труд объяснения многих текстологических казусов: гений знает больше других, гений как будто бы способен преодолеть за текстолога любое затруднение, гений выходит за рамки эпохи и предвещает историко-литературные явления более позднего времени. Для гения нет преград! Да, но для настоящего текстолога они все же остаются, и мы к этому еще вернемся в дальнейшем. Сейчас же обратим внимание вот на что: сходство обнаруживается не только между «Словом о полку Игореве» и «Задонщиной», но между каждым из этих памятников и рассказом Ипатьевской летописи о походе Игоря Святославича 1185 года — тем самым, который послужил основой и для сюжета «Слова о полку Игореве», и это не в одном или двух местах, что пристрастный текстолог мог бы объявить случайностью, а по крайней мере в шести бесспорных случаях. Этот «текстологический треугольник» ясно доказывает, что не «Слово» явилось из «Задонщины», а «Задонщина» из «Слова». Иначе следовало бы предположить, что автор «Задонщины» испытал влияние рассказа Ипатьевской летописи о походе Игоря, а затем сам повлиял на рассказ о том же самом походе Игоря в «Слове». Между тем поход Игоря 1185 года был одним из очень многих походов русских князей на степь, и обращение автора «Задонщины» к рассказу одной из летописей именно об этом походе, который затем, в XVIII веке, лег в основу «Слова», невероятно.

На этот «текстологический треугольник» уже было обращено внимание в научной литературе о «Слове» еще в 1952 году, но с тех пор опровержений его со стороны сторонников позднего происхождения «Слова» не последовало. В 1962 году я дополнил приводившиеся примеры еще несколькими.⁸

Прежде всего укажу, что только в «Задонщине:», в «Слове о полку Игореве» и в рассказе Ипатьевской летописи о походе Игоря в сходном контексте упоминается река Каяла — как место поражения русских войск, как место печали и плача. Больше *нигде* река Каяла не упоминается. Значит, если автор «Задонщины» не имел перед собой

⁸ См. подробнее: Д. С. Лихачев, Изучение «Слова о полку Игореве» и вопрос о его подлинности, сб. «Слово о полку Игореве — памятник XII века», стр. 66—68.

«Слова» как своего образца, то он должен был взять эту реку Каялу из рассказа Ипатьевской летописи о том же походе Игоря, о котором рассказывает и «Слово о полку Игореве». Вероятно ли такое совпадение?

Но сходство между рассказом Ипатьевской летописи о походе Игоря, «Словом о полку Игореве» и «Задонщиной» этим не ограничивается.

В «Слове» говорится, что Игорь «плъкы заворочаетъ». В Ипатьевской — что Игорь «поиде к полку их, хотя возворотити». В «Задонщине» — «князь полки... поворотил».

В «Слове» говорится о «туге и тоске», в рассказе Ипатьевской летописи о «скорби и туге лютой», в «Задонщине» — о «бедах и туге».

Как известно, «золотое слово» Святослава Киевского с «слезами смешено» имеет параллель в рассказе Ипатьевской летописи о походе Игоря. Святослав Киевский, согласно Ипатьевской летописи, услышал о поражении Игоря, «утер слез своих» и произнес речь к князьям. Замечательно, что в «Задонщине» Дмитрий Донской, образ которого соответствует образу Святослава, при известии о больших потерях русских войск тоже «прослезися горко и утер слезы», произнеся при этом речь перед князьями.

Чтобы понять, насколько несомненна связь речей Святослава в Ипатьевской летописи и в «Слове» с речью Дмитрия в «Задонщине», необходимо принять во внимание, что во всех русских летописях до XV века нет второго места, где бы говорилось, что князь произносит речь со слезами. Тем разительнее сходство выражений «утер слез» и «утер слезы».

Обратим внимание и еще на одно совпадение в «Задонщине», в «Слове о полку Игореве» и в рассказе Ипатьевской летописи о походе 1185 года. В «Задонщине»: «Руские сынове поля широкие конми *огородиша*» и «Хоробрый Пересвет поскакиваетъ на своемъ вощемъ сивце, свистомъ поля *перегороди*»; в «Слове»: «Русичи великая поля чрълеными щиты *прегородиша*», а в Ипатьевской летописи: «зане яко стенами силнами *огорожена* бяху полкы половецьскими». Образ перегороженных полей — редкий. Больше он нигде не встречается.

Не менее значительно и другое совпадение между всеми тремя произведениями. В «Слове» и в Ипатьевской летописи спорят между собой Кза и Кончак. Такого рода

воображаемый диалог врагов крайняя редкость в русской исторической литературе до XV века. Второго, во всяком случае, не обнаружено. И в «Слове», и в рассказе Ипатьевской летописи диалог врагов Руси происходит после пленения Игоря. В одном случае враги гонятся за Игорем, в другом они едут в набег на Русь. Содержание обоих диалогов различно, но общая связь между тем и другим диалогом несомненна. В «Задонщине» этому диалогу композиционно соответствует сцена между бегущим Мамаем и фрягами. Особенно близок диалог Кзы и Кончака с речами фрягов Мамаю. И тут и там идет речь о набеге на Русскую землю. Возможно, что в нынешнем тексте «Слова о полку Игореве» до нас дошел не весь диалог первоначального его текста и что вначале он убедительнее связывал все три произведения. Можно отрицать их сходство в том или ином отдельном случае, но нельзя отрицать этого сходства в целом комплексе. Можно счесть за случайность совпадение выражений, но нельзя отрицать этого совпадения, когда за него говорит весь контекст. Выражения не просто сходны: они сходны в сходных же ситуациях.

Из приведенных сопоставлений ясно, что если допустить зависимость «Слова» от «Задонщины», то следует допустить зависимость «Задонщины» от того самого рассказа Ипатьевской летописи, который связан единством сюжета со «Словом». Но это невероятно. «Слово» повлияло на «Задонщину» своей поэтической формой, привлекая автора «Задонщины». Это понятно. Но как мог повлиять рассказ Ипатьевской летописи на «Задонщину»? Ведь стиль этого рассказа совсем другой, а сюжеты расходятся совершенно. Значит, именно «Слово», и одно только «Слово», повлияло на «Задонщину», а не наоборот. Связь же «Слова» с рассказом Ипатьевской летописи объясняется очень просто: оба произведения имели своим сюжетом один и тот же поход Игоря, оба следовали одному и тому же устному рассказу о его походе.

ПОЭТИКА ПОДРАЖАНИЙ

Древняя русская литература знает довольно много подражаний. Можно даже сказать, что подражания типичны для древнерусской литературы.

В древней русской литературе подражание всегда является попыткой применения старой формы к новому содержанию. При этом важно следующее: в древней русской литературе чувство чужого стиля было развито сравнительно слабо,

поэтому подражания не воспроизводили стиль оригинала творчески, а механически заимствовали из оригинала отдельные выражения, формулы, образы, приспособляя их к новому содержанию, инкрустируя ими свой текст.

При таком приспособлении старой формы к новому содержанию неизбежно происходили однородные для всех подражаний явления деформации. Форма упрощалась. Отдельные приемы, которые не находили себе применения в новом содержании, не переходили в подражание. Сложные образы, особенно тесно связанные с содержанием оригинала, либо опускались подражателями, либо упрощались, теряли свою глубину и многозначность. Единство стиля в подражании нарушалось.

Специфическая ограниченность формальных средств подражания вынуждала подражателя ограничивать сферу своих возможностей. Подражатель был связан не только в своих формальных исканиях больше, чем автор оригинала, он был вынужден и в содержании своего произведения придерживаться таких его элементов, которые могли быть выражены средствами оригинала. Следовательно, в подражании была ограничена не только свобода формы, но в известной мере и свобода содержания.

Все сказанное нами об отличиях в структуре стиля подражания от структуры стиля оригинала может быть наглядно продемонстрировано на сравнительном анализе стиля «Задонщины» и «Слова о полку Игореве».

Прежде всего обратим внимание на стилистическую разнослойность «Задонщины». Три стилистических слоя могут быть легко обнаружены во всех ее списках: слой, восходящий к «Слову о полку Игореве», слой, ясно обнаруживающий свое происхождение из деловой прозы, и слой, связанный с народно-поэтической стилистикой.

Остановимся на том стилистическом слое, который связан с делопроизводственной практикой и который получил в конце XIV и в XV веке отражение в летописях и исторических сочинениях.

В списках «Задонщины» мы встречаем хронологические уточнения вроде следующих: «От Калагския рати до Мамаева побоища летъ 160». Своеобразная делопроизводственная конкретизация вторгается в поэтический стиль, автор «Задонщины» не замечает при этом вопиющего противоречия стилей: «О соловей летьяня птица, что бы ты, соловей, выщекотал великому князю Дмитрию Ивановичю из

земли той всей и дву братьев Олгердовичев, Ондреи да брат его Дмитрей Олгердовичев, да Дмитрей Волынскыи. Те бо суть сынове храбрии, кречатй в ратномъ времени, ведоми полковидцы...» Летописная конкретизация вторгается в прямую речь действующих лиц, в плач русских жен, в поэтические оповещения и описания: «Солнце ему (Дмитрию Донскому. — *Д. Л.*) на востоце сентября 8 в среду на рожество пресвятых богородица ясно светить, путь ему поведаеть...»

Такого рода «чиновничьих уточнений» в «Задонщине» немало во всех списках. Характерно, что в «Задонщину» проникли не только элементы делового стиля, но и психология московского служилого, его своеобразные карьеристские представления. Типичная дума московского бюрократа сказывается в «Задонщине» в словах Дмитрия Донского, обращенных к выступающим в поход боярам: «Тутю добудете себе места и своимъ женамъ».

Все это очень типично для автора «Задонщины», и все это полностью отсутствует в «Слове», исключительно свободном от всякого рода казенных, «бюрократических» интересов, где князей непринужденно называют без титулов, а иногда и без отчеств. Если бы не «Задонщина» происходила от «Слова», а «Слово» происходило бы от «Задонщины», автор «Слова» должен был бы сделать выборку только одного стиля из всего произведения и начисто очистить его от всех «деловых» элементов.

Несмотря на свои небольшие размеры, «Задонщина» однообразно повторяет одни и те же стилистические формулы, близкие к «Слову». Это типичный результат посредственного подражания: подражатель берет из своего оригинала только некоторые стилистические элементы, которые по тем или иным причинам ему запомнились и пригодились. Он может забыть, что он уже употребил то или иное выражение или образ оригинала. Возьмем некоторые примеры из одного из списков «Задонщины»: «испытаем мечевъ своих литовьских о шеломы татарскыя», «гремели князи руския мечи о шеломы хыновскыя», «възгремели мечи булатныя о шеломы хыновскыя», «гремят мечи о шеломы хыновскыя». Другой пример по тому же списку: «А в них сияють доспехы золочеными», «а злаченым доспехомъ посвечиваше», «златым шеломом посвечиваше», «золочеными шлемы осветиша». Или еще пример: «погании поля наступають», «поганья бо поля наша наступають», «тогда князь великий

поля наступает». Это однообразие стилистических формул в «Задонщине» соединяется с еще одной не менее характерной чертой: стремлением разъяснить читателю тот или иной образ. Так, например, в «Слове» Всеволод Буй Тур гремит «о шеломы», а в «Задонщине» добавляется «хиновъския»; в «Слове» «вльци грозу въсрожать по яругамъ, орли клеткомъ на кости звери зовуть, лисици брешуть на чръленыя щиты», а в «Задонщине» разъясняется: «орли восклегчють, волци грозно воють, лисици часто брешють, *чають победу на поганыхъ*». В «Слове» говорится о Ярославе Осмомысле, что он затворил Дунаю ворота, а в «Задонщине» разъясняется, зачем надо преградить путь течению реки: «Замкни, государь князь великий, Оке реке ворота, *чтобы потом поганые татаровя к нам не ездили*».

Автору подражания чужды употребляемые им формулы, он им как бы не доверяет и стремится разъяснить читателям их значение.

Характерно, что в «Задонщине» сложные образы «Слова» отсутствуют либо значительно беднее, чем в «Слове». Так, например, в «Слове» имеется великолепная картина движения половецких орд в степи: «А половци неготовами дорогами побегоша къ Дону великому; кричатъ телегы полунощы, рци, лебеди распужени». В «Задонщине» тоже говорится о скрипе степных телег, но насколько в ней картина беднее: «Уже бо въскрипели телегы меж Дономъ и Непромъ, идут хинове в Руськую землю».

В «Слове о полку Игореве» сказано: «Чръна земля подъ копыты костью была посеяна, а кровию поляна; тугою въздоша по Руской земли», а в «Задонщине» этот образ остался без входов: «Черна земля под копыты, костью татарскими поля насеяша, а кровью земля пролита».

Образ Бояна в «Слове» полнокровен, связан со всем замыслом введения к «Слову» — выбором стиля; в «Задонщине» от этого образа осталась лишь бледная тень.

Перенос старой формы оригинала на новое содержание никогда не остается безнаказанным. Несоответствия новому содержанию нет-нет да должны проявиться так или иначе. В «Задонщине» их довольно много.

В «Задонщине» войска Мамая идут на Русь не из района Золотой орды на Волге, как это было в действительности, а из района старых зимовий половцев — от моря «между Доном и Днепром». Почему? Да потому, что в «Слове» навстречу Игорю именно оттуда движутся половцы — была весна. Это явный остаток «Слова» в

«Задонщине»: влияние не текста, но самого *хода* событий «Слова» на «Задонщину».

В «Задонщине» жены плачут по убитым мужьям и просят Москву-реку прилелеять их к себе. Как это возможно, ведь они убиты! Это тоже остаток «Слова»: Ярославна, чьему плачу подражают московские жены, просит Днепр выволить Игоря из плена и прилелеять к ней живого мужа. И как можно было проплыть по Москве-реке с места Донского побоища?

В «Задонщине» русские жены получают «полоняные вести», то есть вести о пленении их мужей, которые на самом деле были убиты. Сами вдовы называются в «Задонщине» «полонянными женами» — женами пленников, — а не вдовами. Причина та же.

В «Задонщине» Дон прорывает каменные горы. Какие? Это тоже остаток «Слова», там Днепр пробивает каменные горы — страшные днепровские пороги, лежавшие на его пути, перегораживавшие самое течение Днепра.

«Задонщина» лишена элементов язычества и двоеверия, но деревья в ней склоняются от скорби. Что это, только художественный образ? Нет, в «Слове» преклоняются до земли деревья, так как вера в деревья была органической частью русского язычества, а художественная система «Слова» была тесно связана с русским двоеверием XII века.

Есть в «Задонщине» и такие «остатки» ее оригинала — «Слова», которые кажутся на первый взгляд вполне «естественными». Так, например, выезд Дмитрия Донского в поход сопровождается счастливой приметой — солнце ему ясно светит на востоке. Сама по себе, взятая изолированно, эта примета не может вызвать подозрений, но если мы вспомним, что почти в тех же самых выражениях говорится в «Слове» о том, что солнце тьмою заступило, путь Игорю и в тот же самый момент — при его выезде в поход, — то возникает вопрос: что же вторично? Мог ли автор «Слова», живи он в XVIII веке, «подогнать» действительно происходившее 1 мая 1185 года затмение к соответствующему месту «Задонщины»? Это было бы чудо, еще более удивительное, чем чудо Иисуса Навина, остановившего солнце в битве с амморейями.

Примеры остатков «Слова» в «Задонщине» легко можно умножить.

В «Задонщине», в подражание «Слову», механически заимствованы из него отдельные выражения, смешаны различные стили, и это приводит к, диссонансам и

несоответствиям. Но мог ли автор «Слова» выбрать из разностильной «Задонщины» элементы только одного стиля (и при этом все элементы этого стиля) и из мозаики выражений «Задонщины» создать произведение удивительно цельное, углубить образы, имевшиеся в «Задонщине», и при этом не повредить их форму, часто близко соответствующую «Задонщине», освободиться от ненужных повторений, от анахронизмов и пр. и пр.?

«Слово» как подражание «Задонщине» было бы в XVIII веке вопиющим диссонансом. Другого такого случая в русской литературе XVIII века мы не могли бы указать. Но «Задонщина» как подражание «Слову» — типичное явление конца XIV—XV века. Древнерусские произведения конца XIV—XV века подражали «Слову о гибели Русской земли», Житию Александра Невского, «Повести о разорении Рязани Батыем» и многим другим произведениям эпохи независимости Руси. Это была эпоха обращения ко временам независимости, к домонгольской литературе, живописи, зодчеству, к политическим идеям и историческим традициям Киевской Руси.

Характерно, что подражания конца XIV—XV века отличаются теми же чертами, что и «Задонщина»: разностильностью в результате механических заимствований, бесконечными повторениями отдельных понравившихся выражений, обеднением образов и т. д.

Но отбросим все это и спросим себя просто: может ли «Слово» быть подражанием «Задонщине», которая несравненно слабее его? Ведь подражать естественно лишь выдающимся произведениям, произведениям с оригинальным стилем. А. Мазон поступал в своем роде последовательно, когда в своих характеристиках «Задонщины» пытался ее «реабилитировать», доказать, что «Задонщина» в художественном отношении выше «Слова». Тогда было бы понятно, что «Слово» подражает «Задонщине», но такая постановка вопроса идет наперекор очевидности.

ЧТО ДОЛЖНО БЫЛО БОЛЬШЕ ОТВЕЧАТЬ НАЦИОНАЛЬНОМУ ЧУВСТВУ РУССКИХ В XVIII ВЕКЕ - ПОБЕДА ИЛИ ПОРАЖЕНИЕ?

Подделка может цениться только на основе той ценности, которая начинает

придаваться *подлинным* памятникам старины. Если подлинные памятники не имеют ценности, то подделка под подлинное произведение в такой же мере цены не имеет. В связи с этим всегда будет казаться непонятным исчезновение того памятника, на основе которого делается подделка. Это исчезновение можно объяснить только тогда, когда подделка искажает содержание подлинника в более выгодном для поддельвателя направлении. Взглянем с этой точки зрения на загадочное исчезновение того списка «Задонщины», под который якобы подделывалось или стилизовалось «Слово о полку Игореве». Зачем нужно было уничтожать или как можно было утратить список памятника, повествовавшего о величайшей в глазах людей XVIII века победе русских, в рассказе о которой упоминались предки некоторых представителей екатерининской знати?⁹ Утратить подлинник, чтобы создать подражание, по содержанию своему не представляющее разнозначной ценности для XVIII века, — этого объяснить нельзя. То, что все собрание А. Мусина-Пушкина, за исключением нескольких рукописей, находившихся не в этом собрании, сгорело в московском пожаре 1812 года, хорошо известно, но куда девался тот таинственный список «Задонщины», произведения, открытого впоследствии только в 1852 году, — это объяснить еще никто из скептиков не брался.

Сто раз скептикам задавался один и тот же вопрос: почему надо было подлинную повесть о величайшей *победе* русских над татаро-монголами заменять мистификацией, рассказывающей о крупном *поражении* мелкого новгород-северского князя Игоря от половцев? На этот вопрос еще ни разу не было получено ответа. Вопрос этот не замечали, а он очень существен, особенно если пытаться доказывать, что «Слово» должно было призывать к завоевательной политике России на юге.

Вопрос этот тем более важен, что ведь, по уверениям скептиков, «Слово» подражало той версии «Задонщины», где Куликовская битва была превращена в пышную победу. О том, с каким энтузиазмом общество XVIII века (и официальные верхи, и просветители) относилось к победам русского оружия — в частности к

⁹ А. Соловьев отмечает: «...бояре Дмитрия Донского, упоминаемые в “Задонщине”, — это прямые предки Белосельских-Белозёрских, Трубецких, Голицыных, Воронцовых, Тучковых и других сановников царицы» (А. В. Соловьев, Послесловие, «Заметки к «Слову о полку Игореве», вып. 2, Белград, 1941, стр. 58).

присоединению Казани и к Куликовской победе, — свидетельствуют многие факты и многие произведения русской литературы того времени.

НА КАКОМ ЯЗЫКЕ НАПИСАНО «СЛОВО»?

Если «Слово о полку Игореве» написано не в XII, а в XVIII веке, то на каком языке оно написано?

Все исследователи языка «Слова о полку Игореве» рассматривали его в целом как определенную систему. Они изучали лексику, морфологию, синтаксис, фонетику и приходили к выводу, что перед ними по своей системе литературный язык XII века, в который вторглись искажения и некоторые особенности языка переписчиков более позднего времени — XV—XVI веков.

Что же касается скептиков, то они и не думали исследовать язык «Слова» в целом и не задавались вопросом: на каком языке «Слово» написано? Что это? Литературный язык XVIII века? Версия церковнославянского языка XVIII века или что-нибудь другое? Между тем обязанность скептиков должна была бы состоять в том, чтобы показать неправильность общих выводов С. Обнорского, Л. Якубинского, С. Булаховского и многих других исследователей «Слова», вскрыв в нем иную систему — искусственную или органичную для XVIII века.

Скептики не шли дальше соображений по поводу отдельных слов. Они указывали на наличие в «Слове» полонизмов, украинизмов, галлицизмов, модернизмов и пр. Я уже не говорю о том, что все так называемые галлицизмы и подавляющая часть полонизмов были найдены в древнерусских памятниках, но дело в том, что скептики не шли дальше выборочных соображений по поводу отдельных элементов лексики и совершенно не касались весьма показательных сторон языка «Слова» — морфологии, фонетики и синтаксиса.

А как сложен хотя бы вопрос о полонизмах! Ведь полонизмы могут быть разные: полонизмы, пришедшие в русский язык в XVIII веке, и полонизмы, пришедшие в язык XII века из старопольского. Отделить одни полонизмы от других никто из скептиков и не пытался, однако о западнославянских элементах в языке «Слова» писали и те, кто твердо стоял на позициях утверждения подлинности «Слова» как

памятника XII века.¹⁰

Попробуем обратиться к лексике «Слова», о которой только и писали скептики. Больше всего о его языковой подлинности свидетельствует словарный состав по сравнению с словарным составом «Задонщины». Ни одно из сравнительно поздних слов, характерных для «Задонщины», не отражено в словаре «Слова». В «Слове» нет таких сочетаний, как «темный князь», «дети боярские», «большой боярин», «калантырь», «байданы», «басурменин», «шишак», и многих других. Встречающиеся в одних и тех же сочетаниях в «Слове» и в «Задонщине» отдельные замены слов всегда свидетельствуют о более ранних словах для «Слова» и более поздних для «Задонщины»: в «Слове» «быля» — в «Задонщине» «боярин», в «Слове» «кмети» — в «Задонщине» «полководцы», в «Слове» «песнотворец» — в «Задонщине» «гудец», «дань» — «выход», «поганые» — «бусорманове», «бусый» — «серый», «жир» — «богатство», «белого» — «добро».

Предполагаемый автор «Слова» XVIII века должен был бы быть выдающимся лингвистом, чтобы до такой степени знать лексику XII века, чтобы ни разу не ошибиться, переделывая лексику, и не ввести из «Задонщины» ее более поздних выражений. И это в эпоху, когда вообще представления об изменениях языка отсутствовали! При этом автор XVIII века, оказывается, хорошо знал и изменения отдельных значений слов. Так, например, слово «хоругвь» из военного знамени уже в XVI веке, а может и раньше, стало означать «церковное знамя», но в «Слове» оно правильно употреблено как знамя военное. Утратилось в XVIII веке и значение слова «полк» как похода, слова «стяг» как войсковой части. Автор «Слова» знает слово «тльковинь», встречающееся только в «Повести временных лет» под 907 годом. Он знает значение слова «кнесъ» — слова, над разгадкой которого бились многие исследователи, и правильно его употребляет, связывая его с народными поверьями.¹¹ Он употребляет правильный старый охотничий термин «путины», замененный

¹⁰ См., например, главу «Гипотеза об участии западнорусской стихии в «Слове о полку Игореве» в кн. акад. А. С. Орлова «Слово о полку Игореве», изд. 2-е, дополненное, Изд. АН СССР, М.—Л. 1946, стр. 193—205.

¹¹ См.: М. П. Алексеев, К «Сну Святослава» в «Слове о полку Игореве», «Слово о полку Игореве». Сборник исследований и статей, Изд. АН СССР, М.—Л. 1950.

впоследствии термином «ногавки». Он правильно употреблял феодальную терминологию «отец», «сын», «сыновец», хотя для автора позднейшего времени легко было принять все эти выражения за обычные термины родства.

Нельзя не вспомнить и о тюркизмах «Слова». Никто из востоковедов, исследовавших тюркские элементы «Слова», никогда не сомневался в его подлинности. Напротив, именно многочисленные тюркизмы, зарегистрированные в «Слове» в их древней форме, больше всего убеждали в подлинности «Слова» таких исследователей, как П. Мелиоранский, Ф. Корш, В. Гордлевский, С. Малов, американец К. Менгес, поляк А. Зайончковский.

В этой статье невозможно привести и сотой доли свидетельств подлинности «Слова», заключенных в его языке.

ЗНАНИЯ ПО ИСТОРИЧЕСКИМ ИСТОЧНИКАМ ИЛИ ЗНАНИЯ СОВРЕМЕННОКА?

Исторические сведения «Слова» необходимо рассмотреть в их совокупности. Совпадают ли они с известными нам летописями? Нет! В «Слове» часть событий изложена иначе. Кроме того, в «Слове» речь идет о таких исторических фактах, которых вообще нет в летописи и правильность которых устанавливается многосторонним изучением самых разнообразных источников. Следовательно, говорить о том, что «Слово» заимствует факты только из исторических источников, известных в конце XVIII века, нельзя. Автор «Слова» осведомлен о событиях как их современник. Но ведь знание современника и сведения ученого историка, восстанавливающего историческую обстановку по источникам, различны по своему типу.

Сведения автора «Слова» не ограничиваются летописями. Автор знает и то, чего не знают летописи, но, как современник, не придает этим своим знаниям особого значения. Так, например, летопись не знает упомянутого в «Слове» Изяслава Васильковича. Из двух его братьев, Брячислава и Всеволода, летопись упоминает только первого. «Создавать» нового брата автору «Слова о полку Игореве» не было никакого смысла. Между тем из летописной статьи 1180 года мы знаем, что братьев было семеро. Косвенно это подтверждает возможность существования Всеволода.

Хроникер Генрих Латыш упоминает Владимира Полоцкого.¹²

Автор высказывает себя знатоком истории как бы мимоходом — именно так, как это делают современники, пишущие для современников, не придавая значения своим знаниям. В конце XVIII века легко было назвать Ярославну по имени: в бумагах Екатерины II был Любецкий синодик, в котором жена Игоря значится под именем Ефросиньи.¹³ Так именно ее и называют Татищев и составители комментария к первому изданию «Слова». Но автор «Слова» предпочитает назвать ее по отчеству — именно по отчеству или по мужу назывались обычно женщины, в летописи: «Дмитровна» (жена Мстислава Владимировича в Новгородской первой летописи под 1122 годом), «Ростиславна» (жена Олега Святославича в Ипатьевской летописи под 1116 годом), «в том же лете умре Андреевна за Олгом за Святославичем» (в Ипатьевской под 1167 годом), «Кончаковна» (дочь Кончака, жена Владимира Игоревича), «Ярославна» (жена Ростислава Глебовича; «Полное собрание русских летописей», т. II, стр. 491) и многое другое. Что же касается до имени Ярославны — Ефросинья, то теперь ученые имеют все основания сомневаться в точности этого упоминания.

Решительно, «Слово» не попало ни в одну западную из тех, которые расставило ему время.

Половец, помогший Игорю бежать из плена, в Ипатьевской летописи и в «Истории» В. Татищева назван Лавром, Лавором. Однако форма Овлур в «Слове о полку Игореве» оправдывается половецким языком. Овлур или Влур может быть успешно объяснено из древнетюркского корня *Ulu* — «выть по-волчьи», откуда *ulu-g* — «воющий по-волчьи», что совпадает с имеющимся в «Слове» сравнением Влур-Овлура с волком («тогда Влурь влькоме потече»¹⁴).

Долгое время имя Боян не встречалось среди имен древней Руси, и вот теперь

¹² Генрих Латвийский, Хроника Ливонии, Изд. АН СССР, М.—Л. 1938.

¹³ В Любецком синодике упомянут великий князь Черниговский Феодосий и его княгиня Евфросиния. Если Феодосией называли в иночестве Игоря Святославича перед смертью, то имя Евфросиния могло относиться к Ярославне.

¹⁴ См. К. Н. Menges, *The Oriental Elements in the Vocabulary of the Oldest Russian Epos The Igor Tale*, Supplement to «Word», monogr, N 1, 1951, p. 24.

оно нашлось среди граффити XI века киевской Софии.

Автор «Слова» должен был быть либо современником событий, жить в XII веке, либо гениальным ученым, предвосхитившим многие данные науки XIX и XX веков.

Ипатьевскую летопись автор XVIII века должен был использовать во всех ее тонкостях и сложностях. Он должен был, например, восстановить биографию Всеволода Буй Тура и использовать его характеристику, читающуюся в Ипатьевской летописи под 1196 годом: «Во Олговичах всих удалее рожаемь и воспитаемь и возрастом и всею добротою и мужьственною доблестью и любовь имеяше ко всим». В прозвище Всеволода «буй тур» он должен был учесть и то, что тур в древней Руси был символом храбрости (о Романе Мстиславиче Галицком в Ипатьевской летописи под 1201 годом сказано: «храбор бе яко и тур») и тюркское слово «телебуга», часто встречающееся как прозвище храброго человека и смысл которого буквально тот же — «буйный тур» (см. об этом в работе Менгеса о восточных элементах «Слова»).

Многое, о чем мы узнаем из «Слова», отсутствует в летописи. Отсутствует, но никогда не противоречит ей! И это очень важно.

Из «Слова» можно понять, что Всеволод Буй Тур княжил в Курске. Прямых сведений об этом в летописи нет, но сообщение об этом «Слова» очень вероятно. Прежде всего отметим, что нет сведений о том, что Курск принадлежал другому князю. Известно, однако, что Курск входил в число владений ближайших родственников Всеволода — отца и брата. С 1141 года Святослав Ольгович, отец Игоря и Всеволода, княжил в Курске и Новгороде-Северском («Полное собрание русских летописей», т. II, стр. 309). Договор 1149 года с Юрием Долгоруким подтвердил его права на Курск и Посемье (там же, 384). А в 1161 году Святослав отдает Курск старшему сыну Олегу (там же, 513). Далее в летописях ничего не сообщается о Курске до 1185 года, когда Всеволод выступает в поход с Игорем на половцев, идя «инем путем, ис Курска».¹⁵

Ясно, что автор «Слова» знал о положении дел, как современник, и поэтому его сведения иногда шире сведений летописей.

В «Слове» упоминается около сорока князей. Много ли при этом допущено ошибок?

¹⁵ Сведения об отношении Всеволода к курскому княжению и некоторые другие в этом разделе подобраны для меня Н. Демковой.

Все характеристики русских князей в обращении к ним исторически точны. Автор «Слова» знает, что отец Всеволода княжил на киевском столе. Он знает, как умер Владимир Глебович. Он знает о могуществе Всеволода на Волге: в 1183 году Всеволод победил волжских болгар, загнав их в Волгу/в результате чего более тысячи болгар утонуло. Он называет Рюрика Ростиславича «буй», и эта характеристика как нельзя более соответствует выводам современных исследователей, изучавших деятельность этого запальчивого и смелого князя. Он говорит, что Ярослав Галицкий высоко сидит на своем златокованном столе,— кремль Галича, где находился дворец Ярослава, стоял на высокой (Крылосской) горе. Он правильно оценивает время Олега Гориславича — «Тогда на Руской земли ретко ратаеве кикахуть». Именно так охарактеризовано это время в летописи словами Мономаха — на Долобском съезде: «начнетъ оратн смерд и приехав половчин... ударить и (его) стрелою, а лошадь его поиметь» (Лаврентьевская летопись под 1103 годом). Автор «Слова» помнит о поражении Шарукана в 1106 году и поэтому говорит о мести Шарукана. Об этом же говорит и Гза Кончаку после поражения Игоря, но в форме, которую мог понять только хорошо осведомленный человек: «Пойдем на Киевскую сторону, где суть избита братка наша и великий князь нашъ Бонякъ», — ведь Боняк потерпел поражение в той же битве 1106 года, что и Шарукан. Объяснение это убеждает нас в явном знакомстве автора с генеалогией половецких князей (Шарукан был дедом Кончака). Автор «Слова» определяет размеры победы по дешевизне рабов — как это и делалось в летописи (ср. Новгородскую первую под 1169 годом). В точном соответствии с историческими представлениями XII века он прибегает к характеристике родоначальников, для того чтобы охарактеризовать их потомков. Он правильно употребляет военную и феодальную терминологию своего времени: «затворить ворота», «отворить ворота», «приломить копье», «рядить суды», «вступить в стремя», понизить или повергнуть стяг. Он знает «ятвягов». Он знает такие редко упоминаемые в памятниках виды оружия, как «сулица», «стружие».

Автор знает, что в Черниговской земле осели тюркские племена, и называет их роды. Как бы ни рассматривать эти наименования, тюркское их происхождение очевидно и никем не отрицается. Ковуи были тюрки. В «Слове» говорится о клике половцев — половцы действительно наступали «кличучи» (Лаврентьевская под 1185

годом) против Владимира. Он знает такую особенность русской одежды, как «злато ожерелие».

Автор «Слова» должен был быть не только знатоком природы, но и всего, что связано с охотой. Он должен был даже знать о том, что пардусы использовались на Руси как охотничьи звери, о чем он мог только косвенно узнать из Ипатьевской летописи под 1159 годом.

Автор «Слова» образно говорит о пленении хана Кобяка в 1183 году и знает при этом, что пленных держали иногда в княжеских гридницах («и падеся Кобякъ въ граде Кieve, в гриднице Святъславли»). Об этом он мог узнать только из Софийской первой летописи под 1097 годом и из статьи 1216 года Новгородской первой летописи.

Помимо имен и событий, в «Слове» получили свое отражение многие исторические явления, которые также не могли быть почерпнуты автором «Слова» из летописей. Они совершенно просто объясняются, если считать, что автор жил в XII веке, и они совершенно непонятны, если предположить, что он жил в XVIII веке и восстанавливал эпоху по историческим источникам.

Для XVIII века было бы естественно все язычество «Слова» вывести из статьи летописи 980 года, в которой перечислены древнерусские языческие боги. Но в летописной статье 980 года нет Белеса, нет Карны и Жели, нет Трояна, а самое главное, нет всех тех языческих представлений, связанных с каждым из этих упоминаний, которые все оказались точными уже в результате исследований XX века. Так, например, в «Слове» широко отразилось характерное для древнерусского язычества представление о богах как о *родоначальниках* людей и явлений (Даждьбог — праотец русского народа, Белее — праотец Бояна, Стрибог — праотец ветров и пр.).

Отсутствуют в «Слове» имена языческих богов, которые по недоразумению были зачислены в XVIII веке в древнеславянский Олимп (Зимцерла, Услад и пр.), или такие, которые не принадлежали к числу русских богов (Чернобог, Световид). С другой стороны, в XVIII веке не был известен анимизм, широко, представленный в «Слове», и вера в оборотничество, упоминающаяся в нем.

В «Слове» получили отражения культ рек, культ деревьев, культ Рода, верования во второстепенных, народных богов и т. д. Сведения о язычестве, содержащиеся в «Слове», решительно подтверждают его подлинность.

Но в конце концов, рассуждая об исторической точности «Слова», не следует забывать, что оно не историческое сочинение, а художественный памятник. В нем могут быть неточности, связанные с особыми художественными задачами, перед ним стоящими, — гиперболы, перестановки событий, пропуски имен и пр.

«Паганиззм» (язычество) «Слова» А. Мазон считает неуклюжей подделкой под «псевдоклассицистические» вкусы XVIII века. Между тем представления конца XVIII века о древнерусском язычестве хорошо известны, и они решительно не соответствуют тому, что мы имеем в «Слове». Прежде всего в XVIII веке считалось, что язычество прекратило свое существование после крещения Руси. «Привыкший рассматривать историю как цепь правительственных актов и веривший в их абсолютную обязательность, писатель (XVIII века. — Д. Л.) считал, что момент официального крещения Руси был последним днем язычества. В дальнейшем малейшее проявление уважения к языческим богам — двойное преступление: грех против церкви и неповиновение правительству».¹⁶

Сведения по славянской мифологии даны были в «Кратком мифологическом лексиконе» М. Чулкова 1767 года и в «Кратком описании древнего славянского язычества баснословия» М. Попова 1768 года. Достаточно сравнить сведения этих книг с тем, что мы имеем в «Слове», чтобы убедиться, что они не могли быть источниками «Слова». Упоминаемый в «Слове» Хоре определен а них как славянский Эскулап. Ярославна называет в «Слове» своего мужа «ладой», а последнее, по определению XVIII века, — «богиня киевская, подобящая-ся во всем Венере». Богом, управляющим ветрами, является в этих источниках не Стрибог, а Догода — «славянский Зефир» и пр. Не мог быть источником «Слова» и «Словарь русских суеверий» М. Чулкова, вышедший в 1782 году (второе издание — 1786 года, под названием «Абевега русских суеверий»).

ПАРАЛЛЕЛЬ ИЛИ ИСТОЧНИК?

Если автор «Слова» жил в XII веке, то все ясно и просто с вопросом о том, откуда он знал об упоминаемых им событиях, о жизни, о быте, о вооружении, о

¹⁶ Ю. М. Лотман, «Слово о полку Игореве» и литературная традиция XVIII — начала XIX в., сб. «Слово о полку Игореве — памятник XII века», стр. 358.

географии Руси, о язычестве. Почему он так точно мог охарактеризовать каждого из князей? Почему он иногда не совпадал с летописью и знал больше, чем знали летописцы?

Если же автор жил в XVIII веке, то мы должны предположить, что он был гениальным ученым, предвосхитившим многие познания, полученные о XII веке учеными конца XIX и XX века, опередившим не только историков, но и археологов, фольклористов, лингвистов, литературоведов своего времени.

Сложность положения особенно отчетлива в том случае, когда скептикам приходится объяснять многочисленные параллели — фразеологические, стилистические, образные и пр., — подысканные исследователями «Слова» в современной ему литературе. Переводя «Слово» в XVIII век из XII, скептики вынуждены все близкие параллели считать не параллелями, а источниками и многочисленность их снова объяснять гениальной осведомленностью автора XVIII века, -творившего «Слово» как мозаику из разных источников.

Формулировка этого важного положения принадлежит В. Адриановой-Перетц. В самом деле, к отдельным местам, словам, выражениям, стилистическим оборотам и образам «Слова», как известно, подыскано множество параллелей в современной ему литературе русской, древнеболгарской, византийской, древнесербской и пр. Эти параллели имеют единственное объяснение в том, что автор «Слова» принадлежал к той же поре литературного развития, следовал традициям и вкусам своего времени, знал язык, на котором писал, не по источникам, а в его живом употреблении. Приведя многие параллели (именно параллели) к «Слову о полку Игореве», Н. Гудзий пишет: «Можно было бы привести еще много подобных параллелей из произведений книжной литературы, но сколько бы мы ни приводили их — из Библии, из летописи, из книг повествовательного характера, из произведений Илариона и Кирилла Туровского, — эти параллели говорят только об общности известных стилистических формул в «Слове» и в указанных памятниках. Картина получается приблизительно такая же, как если бы мы, анализируя творчество Пушкина, отмечали в его поэтическом стиле в его фразеологии ряд образов и ходячих формул, которые и до Пушкина вошли в прочный литературный обиход. Заподозрить на этом основании Пушкина в подражании кому-либо из его предшественников или современников было бы так же несправедливо, как

несправедливо заподозрить и автора «Слова о полку Игореве» в каком-либо подражании».¹⁷

Между тем, утверждает В. Адрианова-Перетц, если признавать автора «Слова» жившим в XVIII веке, то сразу должно быть изменено отношение к этим параллелям: параллели становятся «источниками», автор должен был их разыскивать, он должен был вести трудную исследовательскую работу по источникам, чтобы создавать свое произведение как мозаику. В самом деле, автору «Слова», жившему в XII веке, не надо было быть знакомым с Хроникой Манассии, чтобы свое обращение к Бояну составить близко к тому, как написано в этой хронике обращение к Гомеру. Так было принято в его время! Таков был художественный метод, стиль литературы, язык литературы XII века! Автору «Слова» в XII веке не надо было быть сверхъестественным эрудитом.

Теперь представим себе, что автор «Слова» писал в XVIII веке. Все, что исследователи «Слова» считали параллелями к «Слову», должно считаться источниками «Слова».

Всесветная слава, которую поют Святославу немцы, венецианцы, греки и моравы находят себе близкие параллели в «Слове» Илариона, в Житиях Александра Невского и Довмоита Тимофея, в Похвале роду рязанских князей. По крайней мере один из этих памятников должен был быть известен автору XVIII века.

Источниками «Слова» надо было бы признать «Задонщину», Девгениево деяние, Ипатьевскую летопись, Кенигсбергскую летопись, «Сказание о Мамаевом побоище», Никоновскую летопись, Повесть об Акире Премудром, Библейские книги, Историю Иудейской войны, «Моление Даниила Заточника», «Двенадцать снов Шахаиши», слова Кирилла Туровского, Слово о законе и благодати Илариона, «Слово о Лазаревом воскресении», Хронику Георгия Амартола, Хронику Малалы, Хронику Манассии, «Слово о погибели русской земли», «Хождение» игумена Даниила.

Особенно следует обратить внимание на те слова и выражения в «Слове о полку Игореве», параллели к которым редки — обнаруживаются только в одном или двух памятниках. По счастью, такие редкие параллели в «Слове» многочисленны. Следовательно, чтобы употребить эти редкие слова и выражения в XVIII веке,

¹⁷ Н. К. Гудзий, История древней русской литературы, изд. 6-е, Учпедгиз, М. 1956, стр. 135.

необходимо было знать именно эти памятники. Приведу некоторые редкие параллели, указанные мне В. Адриановой-Перетц, специально занимающейся сейчас этим вопросом.

Выражение «тьмою ся поволокоста» находит себе параллель только в «Физиологе» — «ослепнут ей очи и поволочется и не видети... солнца». Слово «стружие», кроме Ипатьевской летописи, есть только в «Хождении» игумена Даниила, и именно из последнего памятника ясно значение этого редкого и, возможно, областного (черниговского) слова — копье. Выражение «поскепаны... шеломы» есть в переводе «Повести о разорении Иерусалима» Иосифа Флавия, но употреблено оно в отношении щитов («щиты поскепаны») и в Житии Стефана Сурожского (в отношении икон). Выражение «мыслию прелетети» имеет близкую параллель в «Шестодневе» Иоанна Экзарха — «мыслию възлетети». Форма «болого» есть только в «Русской Правде». «Наниче» встречается только в Златоусте XII века. Форма «бебрян» (при обычной «бобровый») есть только в «Повести о разорении Иерусалима» Иосифа Флавия. Слово «быля» (см. в «Слове» «съ черниговскими былями») есть только в Хронике Георгия Амартола. В Хронике же Георгия Амартола есть форма «сморци» (см. в «Слове» — «идут сморци мылами»), при этом — только в старшем списке Георгия Амартола, XIII—XIV веков (обычная форма «смерци»). Выражение «мыслию поля мерите» имеет близкие параллели только в «Шестодневе»: «луны убо не мозем очима мерити, нъ мыслию», «убогий человек мерит мыслями божию силы». Список таких редких слов, форм и выражений может быть значительно умножен, но и приведенного материала достаточно.

Собственно, ту же проблему, что и книжные параллели, представляют и параллели из области фольклора.

Если автор «Слова» жил в XII веке, то фольклор в это время был его естественным материалом. Если же автор жил в XVIII веке, когда к фольклору в духовной среде и в верхах общества вообще существовало особое отношение (к этому мы еще вернемся), то большая часть параллелей также превращается в «источники». Для автора XII века фольклор — стихия, в которой он живет. Знание же фольклора для автора XVIII века — эрудиция.

Важно обратить внимание на то, что в «Слове» встречаются вовсе не обычные

элементы фольклора, а редкие, обнаруживаемые иногда только в одном «аком-либо произведении — то в собрании Киреевского, то у Рыбникова, то у Маркова и т. д. Автор «Слова», живи он в XVIII веке, должен представлять собой ученого, значительно опередившего свою эпоху, когда фольклор понимался, как мы это увидим в дальнейшем, своеобразно и вовсе не так, как в «Слове». Фольклорные образы «Слова» разыскиваются поодиночке в собраниях XIX и XX веков — Киреевского, Рыбникова, Гильфердинга, Кирши Данилова, Григорьева, Максимовича, Радченко, Тихонравова и Миллера, Антоновича и Драгоманова, Шейна, Буслаева и Тихонравова, Соболевского, Потební, Мочульского.

Многие параллели к «Слову» обнаружены в фольклорных произведениях только сейчас. Так, например, еще недавно считалось, что выражение «Слова» «Днепръ Словутичь» не имеет близких соответствий в фольклоре (указывались только приблизительно напоминающие выражения). Однако В. Малышев в найденной им повести о Сухане XVII века обнаружил совершенно точную параллель: «Непр Слаутич». ¹⁸ Очень близкая параллель к месту «Слова о полку Игореве» — «Ваю храбрая сердца в жестоцем харалузе скована, а в буести закалена» — разыскана Л. Шептаевым в сборнике «Великорус» Шейна:

(У свекра...) сердце каменно,
в буести заковано,
в булате сварено.

(Шейн, «Великорус», 1900, № 554). ¹⁹

Слово «шестокрилци» найдено Н. Дылевским в южнославянском фольклоре. ²⁰ До того считалось, что слово «шестикрылый», «шестокрылатый» и пр. — литургического характера (ангел — серафим). А в «Слове» это эпико-героический образ: такой же, как в южнославянском фольклоре.

¹⁸ В. И. Малышев, Повесть о Сухане, Изд. АН СССР, М.—Л. 1956, стр. 112—113.

¹⁹ Л. С. Шептаев, Заметки к древнерусским литературным памятникам, «Труды ОДРЛ», т. XIII, Изд. АН СССР, М.—Л. 1957, стр. 427.

²⁰ «Бележки върху “Слово о полку Игореве”», «Известия на Института за българска литература», кн. трета, София, 1955, стр. 105—110.

Я не утверждаю, что автор XII века «Слова о полку Игореве» был непременно необразованным и неначитанным человеком. Напротив, он, конечно, был человеком книжным. Несомненно, он читал «Повесть временных лет», так как многие из его припоминаний русской истории (о Мстиславе, о юноше-князе Ростиславе, о Всеславе Полоцком и пр. и пр.) близки по формулировкам к этому величайшему произведению древней Руси. Но круг остальной его начитанности мог быть меньше или больше — это был круг его постоянного обычного чтения. Он читал те произведения, которые до нас не дошли. Он рос в этой литературной атмосфере. Он рос в атмосфере народной песни. Чтобы услышать былины, которые впоследствии исчезли в Белоруссии и на Украине, стали редкостью во многих частях России, ему не надо было ехать в Архангельскую и Олонецкую губернии. Фольклор обслуживал тогда все слои общества. Не то в XVIII веке. Чтобы написать «Слово» в XVIII веке, автор его должен был быть ученым, совершенно исключительным любителем и ценителем фольклора, опередившим все знания своей эпохи, а главное, понимание фольклора в XVIII веке.

Переводя «Слово» из XII в XVIII век, исследователь обязан внимательно рассмотреть все параллели, найденные учеными в обширной древнерусской оригинальной и переводной литературе, и либо отвергнуть их, либо перевести в разряд «источников». Даже при самом беглом отборе «источников» их окажется так много и при этом в памятниках столь редких и в XVIII веке еще не открытых, что мы вынуждены будем признать:

1) что, живи автор в XVIII веке, он должен был бы обладать сверхъестественной начитанностью в древнерусской литературе и наслышанностью в фольклоре;

2) что он знал множество произведений, еще не открытых и не опубликованных в XVIII веке;

3) что эти неизвестные памятники три таинственных обстоятельства затем исчезли из рукописных хранилищ, которыми он мог пользоваться.

«СЛОВО» И XVIII ВЕК

«Слово о полку Игореве» было открыто в обстановке, когда во множестве собирались и открывались и другие исторические документы, издавались памятники русской истории. Но все эти памятники ценились прежде всего как исторические

источники, а не как литературные произведения. С точки зрения вкусов классицизма они не представляли собой эстетической ценности, и предромантические настроения, начавшие овладевать обществом, не смогли еще многое здесь изменить. Исторические темы вошли в литературу, но они подносились читателю в антиисторическом духе патетической декламации. Эти декламации на исторические темы никогда не стилизовались под старинную или народную речь. Хорошую характеристику разработке в литературе конца XVIII века исторической темы дает В. Виноградов: «Обращаясь к историческим темам, русские авторы XVIII века писали на самом деле авантюрные и философические романы, иногда с явным публицистическим уклоном в сторону современности, в сторону тенденциозного отражения мыслей и настроений текущего политического момента (ср. «Нума», «Кадм и Гармония», «Полидор» Хераскова). «Привлекательности баснословия»-и «вымыслы» торжествовали над историческим правдоподобием. Херасков, П. Захарьин (автор «Приключений Клеандра, храброго царевича Лакедемонского»), Пракудин (автор «Валерии»), Ф. Эмин и др., при всем различии их стилей, были одинаково далеки от стремления с помощью словесно-художественных средств — хотя бы и современной литературной речи — создать исторический, этнографический или местный колорит изображаемых событий. Попытки освещения восточнославянской богатырской старины у М. Чулкова в его «Русских сказках» (1780) и «Славенских сказках» («Пересмешник», 1766), а также у М. Попова в «Славенских древностях» (1770), в «Вечерних часах, или Древних сказках славян древлянских» В. Левшина (1787) и некоторых других сочинениях второй половины XVIII века были также полны традиционных ситуаций и стилических форм героических поэм и рыцарских романов эпохи классицизма».²¹

Из произведений древнерусской литературы XVIII века импонировали только переводные рыцарские романы XVII века. Издавался «Бова-королевич», «История о славном и сильном витязе Еруслане Лазаревиче», «История о храбром рыцаре Франциле Венециане и прекрасной королеве Ренцывене», «Постоянная любовь Евдона и Берфы», «История о славном рыцаре Петре Златых Ключей» и др.

Фантастический, точно не определенный в хронологических границах характер

²¹ В. В. Виноградов, О языке художественной литературы, Гослитиздат, М. 1959, стр. 516—517.

имели, например, трагедии Княжнина на древнерусские сюжеты — «Вадим Новгородский» (1789), «Владимир и Ярополк» (1772) — переделка «Андромахи» Расина, «Рослав» (1784).

Трагедии эти претендовали не столько на историчность, с которой они считались очень мало, сколько на «аллюзии», намеки на современную политическую действительность. Все они в фантастических чертах рисовали политический строй древней Руси. В «Вадиме» Княжнина использованы мотивы трагедий Вольтера «Брут» и «Смерть Цезаря», а также трагедии Корнеля «Цинна». Тот же характер, что и трагедии Княжнина из древнерусской истории, имела и знаменитая трагедия Николева «Сорена и Замир». В «Сорене и Замире», кстати, использовано одно лицо, упоминаемое и в «Слове о полку Игореве», — на примере ее поэтому яснее всего видно различие в отношении к древнерусской истории «Слова» и писателей XVIII века. В «Сорене» «царь российский» Мстислав (см. в «Слове» — «иже зареза Редедю») покоряет страну половцев, влюбляется в Сорену, жену половецкого князя Замира. Далее вступают в силу тираноборческие тенденции XVIII века. Мстислав оказывается тираном. Он хочет смерти пленного Замира. Сорена борется с ослепленным любовью Мстиславом. Пытается убить его, но вместо Мстислава случайно убивает своего мужа Замира и закалывается. Половцы идеализированы. В их стране «вольностью и счастьем всяк гордился». Только в начале XIX века появляются исторические произведения, черпавшие сюжеты из летописей — сюжеты, но еще не стиль!

Не могло быть в конце XVIII века и подражаний народной поэзии. В конце XVIII и в начале XIX века фольклор воспринимался как нечто принадлежащее к низшему роду искусства. Фольклорные мотивы могли быть введены в сатиру, в комедию, в дружеские и шуточные песни. Народные поговорки и пословицы использовал «Письмовник» Курганова. Фольклорный язык отождествлялся с простонародным. Однако «Слово» по своей теме принадлежало к «высокой» литературе. Оно принадлежало к высоким жанрам в той иерархии литературных жанров, которые зафиксировал Ломоносов. В «Слове» изображены «геройство и высокие мысли». Оно могло восприниматься только как героическая поэма, как «песнь» и именно так было воспринято современниками (см. заглавие, данное «Слову» его первыми издателями: «Ироическая песнь о походе на половцов удельного князя

Новгорода-Северского Игоря Святославича»). Народность «Слова», его связь с народной поэзией до Пушкина и Максимовича совершенно не воспринималась и не могла быть поэтому и введена в него воображаемым автором XVIII века.

Как понимался фольклор в конце XVIII века, отчетливо видно по обращению к фольклору в произведениях Чулкова, Попова, Левшина. Фольклор воспринимался прежде всего как просторечие, как снижение стиля, то есть прямо противоположно его функции в «Слове». Фольклор использовался поэтому в сатирических журналах. Прежде всего в литературу входили пословицы, новеллистические сказки, анекдоты, песни. Во всех сборниках фольклорного материала конца XVIII века фольклор был перемешан с произведениями нефольклорного происхождения. Вот что пишет, например, М. Азадовский о сборниках Левшина: «Материал левшинских сборников показывает, что автор их очень хорошо был знаком с устной поэзией; он, несомненно, знал подлинные народные былины, знал и сказки, но пользовался он этим совершенно своеобразно. Конечно, нет и речи о точной передаче народных памятников; Левшин свободно обращается с ними, соединяет разные сюжеты, соединяет сказку с былинной, подчиняя все в целом стилю западного рыцарского авантюрного романа. В его сказках встречаются и Василий Богуславич, и Добрыня Никитич, и Алеша Попович, и Чурила, и другие богатыри, однако, кроме имен, в них нет ничего от русского эпоса...».²² Сюжеты у Левшина не былинные, а заимствованные или переработанные из волшебных сказок. По собственному заявлению, он брал для образцов французские и немецкие романы. Первые из так называемой «Bibliothèque bleue». Национальный «славенский» колорит достигался у Левшина главным образом названиями городов и местностей, именами героев повествования (Силослав, Славурон и пр.). Иными словами, отношение Левшина к фольклору прямо противоположно отношению к фольклору «Слова о полку Игореве», где нет традиционных фольклорных имен, но есть тонкое понимание стиля фольклора как возвышенного, где есть фольклорные образы, эпитеты, метафоры, отрицательный параллелизм, фольклорное отношение к природе — то есть все то, что было открыто в фольклоре через несколько десятилетий.

Характерно, что даже Пушкин в своих первых произведениях недалеко ушел от

²² М. К. Азадовский, История русской фольклористики, т. I, Учпедгиз, М. 1958, стр. 67.

этого левшинского понимания фольклора. Именно к Левшину обратился Пушкин, когда задумал свою первую поэму «Руслан и Людмила». Один из наиболее распространенных сюжетов в «Пересмешнике» Левшина — это как раз сюжет поисков героем своей возлюбленной.

Отрицательное отношение к фольклору было особенно характерно для просветителей XVIII века, для писателей, находившихся на прогрессивных позициях. М. Азадовский пишет: «Произведения народного творчества в их (просветителей. — *Д. Л.*) представлении неразрывно связаны с народным суеверием, народными предрассудками, борьба с последними включала поэтому в свою орбиту народное творчество целиком. Борьба за прогресс и культуру кажется несовместимой с пристрастием к тому, что так или иначе органически связано с некультурными массами. Народные песни, сказки, обряды в глазах просветителей являлись проявлениями народного бескультурья и невежества, а потому вызывали отрицательное или, во всяком случае, холодное отношение. Такое понимание характерно не только для русского просветительства; оно характерно для всего рационалистического просветительства в целом. У нас такие воззрения в той или иной степени разделяли Татищев, Болтин, Державин, Фонвизин, отчасти Ломоносов, Батюшков и многие другие вплоть до позднейших западников и радикалов...».²³

Вот почему народно-песенные основы «Слова» были совершенно не поняты ни его первыми издателями, ни первыми исследователями. Первым, кто оценил, увидел и открыл народно-поэтические элементы «Слова», были Пушкин в 30-е годы и Максимович. Но и они обратили внимание далеко не на все народнопоэтические элементы «Слова».

В «Слове» обнаружили то, чего в нем не было, — оссианизм, указав на такие элементы этого оссианизма, которые впоследствии все обнаружилось в открытой в 1852 году «Задонщине» (элегический тон, слезы одного из героев-князей, вещая птица «див», картины природы и пр.). Это и понятно: «открыть» можно знакомое, но нельзя заметить то, что еще никем в те времена не определялось и для обнаружения чего не было достаточно оснований.

Ю. Лотман прекрасно показал различие в идеологии, взглядах, литературных

²³ Там же, стр. 80—81.

традициях, в употреблении политической терминологии между «Словом» и XVIII веком. Его статья дала в этом отношении огромный материал, делающий совершенно невозможным перенос «Слова» в XVIII век.²⁴ Ученый не может не считаться с этим материалом. Просто не замечать его теперь уже нельзя. «Скептик» обязан на него ответить по всем пунктам. И еще не ясно, кто же в этом случае окажется «скептиком»: тот ли, кто отрицательно относится к возможности создания «Слова» в XVIII веке, или тот, кто бездумно верит, что для XVIII века было все возможно, что любое произведение любого жанра, любого стиля и любых идей могло быть создано в новое время, независимо от историко-литературных возможностей эпохи — был бы лишь автор его талантлив, прогрессивен и догадлив.

Ю. Лотман пишет: «Для того чтобы понять качественное своеобразие явления в такой мере, которая позволит отделить литературные черты подлинного средневековья от подделок и подражаний XVIII — начала XIX века, необходимо не просто указать на наличие подобного интереса, но и определить его природу, определить, как рисовалась в эту эпоху русская старина и древняя литература».

ХРАМ АРТЕМИДЫ ЭФЕССКОЙ

Есть ли основания беспокоиться, что «Слово» может исчезнуть с горизонта русской культуры? Нет, никаких беспокойств за «Слово» быть не может. «Слово» — памятник словесного искусства, и в том-то его отличие от произведений архитектуры или живописи, что его невозможно ни сжечь, как было сожжено одно из семи чудес света — храм Артемиды Эфесской, ни украсть, как были украдены некоторые картины Гойи или Матисса.

«Слово» останется всегда, сомнения же возникали и проходили.

Исследователи «Слова» советского времени все теснее связывают его с произведениями литературы Киевской Руси, с ее историей, культурой, верованиями и обычаями. Все больше «параллелей» «Слову» находится в современной ему литературе, русской, византийской, южнославянской. Если бы «Слово» принадлежало XVIII веку, оно не могло бы обладать такой «способностью» оказываться все более и

²⁴ См. Ю. М. Лотман, «Слово о полку Игореве» и литературная традиция XVIII — начала XIX в.», сб. «Слово о полку Игореве — памятник XII века».

более объясненным материалом XII века. Каждый памятник раскрывается только в связи с реалиями своей эпохи. XVIII век еще не объяснил ни одного из так называемых «темных мест» «Слова».

Источник: Вопросы литературы. 1964. № 8. С. 132-160.